

Au revoir

Маленький гигант большой песни

Моск. правда. - 1994. - 10 февр. - с. 13

«Прощай, со всех вокзалов поезда уходят в дальние края...» А я не замечаю, что уже давным-давно сижу в этом поезде, неподвижном, как пустое небо, а тот, кто меня провожает, все еще стоит на том же вокзале и вместе с ним уносится куда-то. ... И непонятно, кто из нас уезжает, а кто остается. Хотя я точно знаю, что остается этот незатейливый рефрен, пробивающийся сквозь шипение иглы на старой пластинке: «Прощай, прощай...»

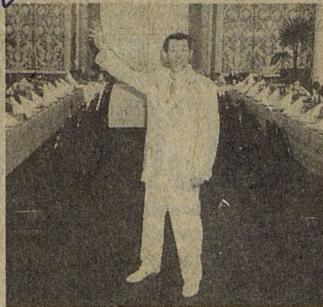
Двадцать лет прошло, а он все так же улыбается с этой сиреновой обложки. Самый маленький среди семерых парней в клешах, которых именовали вокально-инструментальным ансамблем «Лейся, песня». А мы переделывали название так, как было созвучнее времени: «Лейся, пейся». И, разливая портвейн по стаканам, снова и снова ставили на проигрыватель пластинку, с обложки которой улыбался тридцатилетний Миша Плоткин, как бы подмигивающий нам, мол, наливай!.. Ну какие тут еще могут быть вопросы?

- Миша, говорят, что ты был первым русским продюсером...

- Ну, во-первых, какой же я русский? Во-вторых, в словаре того времени и понятия такого не было.

- Тогда - первым русскоязычным концертным администратором. Так?

- Это уже ближе... Хотя, конечно, не я был самым первым. Можно вспомнить и Павла Леонидова, через которого проходили крупнейшие звезд

ды, такие, как Магомаев, Кобзон... Эталоном интеллигентности для меня был Михаил Дорн. Об Эдуарде Смольном могу сказать, что он был вообще помешан на своей работе... А вот мой учитель - Эмиль Горовиц, под началом которого я работал, был действительно настоящим продюсером.

- Это прозвучало так, будто словом-оценкой «настоящий» ты намекаешь на то, что сегодня...

- Нет никаких намеков! Я не хочу сказать, что сейчас все «ненастоящие», просто раньше все было по-другому. Раньше музыканты думали о том, чтобы прежде всего было круто по музыке, а не по деньгам и популярности. А сейчас? Кто называет себя продюсером? Тот, кто вчера торговал цветами или запчастями, а сегодня промышляет артистами...

- А кто, по-твоему, продюсер?

- Прежде всего - хозяин и родитель. Продюсер - это не тусовщик и не носильщик задницы артиста. Это человек, который создает звезду с нуля и сам реализует свой замысел.

Он занимается всем: и творчеством, и выпуском музыкальной продукции, и костюмами, и имиджем. Он следит за своими чадами, как отец за детьми. Он заботится и об их форме, и об их «раскрутке». Песня «Прощай», например, стала шлягером именно в исполнении ВИА «Лейся, песня», а не Льва Лещенко. Заслуга продюсера не в том, чтобы «катать» готовых гастролеров, а в том, чтобы самому сделать гастролерами начинающих артистов. Но, слава Богу, и сегодня встречаются настоящие профессионалы.

- Например?

- Например, Бари Алибасов.

- И ты?

- О себе мне неловко говорить, но тот факт, что я открыл дорогу на профессиональную сцену многим нынешним звездам первой величины, является предметом моей гордости.

- Когда речь заходит о звездах, хочется конкретики.

- «Лейся, песня» (это, напомним, первый отечественный ВИА), «Самоцветы», «Веселые ребята» и «Надежда». Когда я занимался этими коллективами, через них прошли многие звезды. Я первым вывозил на гастроли Аллу Пугачеву и Владимира Кузьмина... И я счастлив, что мне довелось работать с Аллой. В середине семидесятых (о, Господи!) я возил по стране Николая Сличенко, тогда первого гастролера, и девочка Алла должна была аккомпанировать на рояле, а где-то под занавес концерта ей позволяли спеть не-

сколько своих песен. Уже тогда было ясно, что это - Звезда. И если Сличенко аплодировали за одно имя, то Пугачева зарабатывала оvation живым голосом, искренностью и мастерством.

- Почему же после работы с такими зубрами ты год назад взялся за неведомую команду - «Теле-поп-шоу»?

- Не совсем так. Когда я взял этих ребят, это уже была интересная, сформировавшаяся команда. Моя задача состояла лишь в том, чтобы помочь им раскрыться. Кажется, удалось. К ним приходит известность...

- Значит, есть еще порох... Так отчего ты собираешься в Штаты? Опять «прощай, под белым небом января мы расстаемся навсегда...»?

- Это правда. Только уезжаю я в марте... Я уже немолод. Сколько же можно смотреть Нью-Йорк по телевизору! А то, что навсегда - так ведь денег-то хватило лишь на билет в один конец. Так что придется остаться... А если серьезно, то я не прощаюсь. У меня здесь дел полно. У меня здесь столько любимых людей, что я себя без них не мыслю. Я еще вернусь. Я сам себе называю Тортиллой, а вы знаете, сколько живут черепахи?

И он улыбается все той же улыбкой. Почти что американской. «Гуд бай». Все будет «о'кей»... Только вот непонятно, кто из нас уезжает, а кто остается. Разве что вот этот незатейливый рефрен...

А.В.